

*Моему давнему учителю —
Джозефу Белли, доктору медицины etc.,
на Мелвилл-Кресент, 2, Эдинбург*

ПРИКЛЮЧЕНИЕ I

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

I

Для Шерлока Холмса она так и осталась «той женщиной». При мне он редко называл ее иначе. В его глазах ни одна представительница ее пола не достойна стоять с ней рядом. Нет, он не испытывал к Ирэн Адлер ничего похожего на любовь. Его холодный, педантичный, но поразительно уравновешенный ум вообще не терпел эмоций, а подобных в особенности. Я бы сравнил Шерлока Холмса с самой совершенной в мире машиной, предназначенной мыслить и наблюдать; влюбившись, он оказался бы в ложном положении. Разговор о нежных чувствах неизменно вызывал у него презрительную усмешку. Он полагал их ценными для наблюдателя, поскольку они помогают разоблачать побуждения и поступки. Но для опытного мыслителя допустить вмешательство в тонко отлаженный, чрезвычайно точный умственный аппарат значило бы поставить под сомнение все результаты его работы. Песчинка в чувствительном приборе, трещина в одной из его мощных линз — вот что такое сильные эмоции для подобных натур. Но одна женщина для него все же существовала, и ею была покойная Ирэн Адлер — особа неясная, сомнительной репутации.

В последнее время я виделся с Холмсом нечасто. Моя женитьба отдалила нас друг от друга. Я упивался своим счастьем; все интересы, как бывает с человеком, который впервые в жизни обзавелся семьей, сосредоточились на домашних делах, меж тем как Холмс, всей своей богемной душой ненавидевший любые формы светского общения, остался в нашей квартире на Бейкер-стрит, в окружении старых книг, и посвящал неделю за неделей то кокаину, то честолюбивым предприятиям — то наркотическому забытию, то кипучей деятельности, какой требовала его энергичная натура. Его все так же притягивал мир преступлений: свои безграничные способности и исключительную наблюдательность он использовал для того, чтобы следовать за уликами и решать загадки, которые официальная полиция признала неразрешимыми. Время от времени до меня доходили слухи о делах Холмса: как его вызвали в Одессу расследовать убийство Трепова; как он пролил свет на удивительную трагедию братьев Аткинсон в Тринкомали; наконец, как он успешно и с предельной деликатностью исполнил одно поручение голландского королевского дома. Об этом, однако, я знал примерно столько же, сколько любой читатель ежедневных газет; других сведений о моем прежнем друге и соседе ко мне поступало немного.

Однажды вечером, а именно двадцатого марта 1888 года, я возвращался от пациента (поскольку вновь принялся за частную практику) и случаем оказался на Бейкер-стрит. При виде привычной двери, которая всегда будет напоминать мне о знакомстве с будущей невестой и о мрачных событиях, описанных в «Этюде в багровых тонах», ме-

ня одолело острое желание встретиться с Холмсом и услышать, каким делом занят нынче его выдающийся ум. Окна квартиры были ярко освещены, и, подняв взгляд, я заметил, как за шторами дважды мелькнул высокий силуэт. Холмс шагал стремительно, энергично, голова его была опущена, руки сцеплены за спиной. Мне, досконально знакомому с его привычками и настроениями, это говорило о многом. Холмс взялся за очередное дело. Очнувшись от наркотических грез, он увлеченно расследует какую-то новую загадку. Я позвонил в колокольчик, и меня проводили в комнату, которой ранее я распоряжался на правах совладельца.

Холмс был, по обыкновению, сдержан, но, думаю, обрадовался встрече. Без лишних слов, но вполне приветливо он жестом пригласил меня сесть в кресло, пододвинул коробку сигар и указал на подставку для графинов и сифон в углу. Потом встал перед камином и окинул меня своим особым пристальным взглядом.

— Супружество пошло вам на пользу, — заметил он. — Думаю, Ватсон, с последней нашей встречи вы прибавили фунтов семь с половиной.

— Семь! — поправил я.

— Я бы сказал, немного больше. Самую чуточку больше, Ватсон. И как вижу, вы снова взялись за практику. Вы не говорили, что собираетесь опять впрячься в работу.

— Да, но как вы догадались?

— Я вижу, я умозаключаю. А откуда, по-вашему, мне известно, что вы недавно вымокли до нитки и что служанка у вас ни умением, ни старательностью не отличается?

— Дорогой мой Холмс, это уж слишком. В прежние века вас бы наверняка сожгли на костре. Я и вправду прогуливался в четверг за городом и вернулся домой весь перемазанный, но я ведь сменил платье. Ума не приложу, как вы дознались? Что до Мэри Джейн, то она неисправима, и жена уже предупредила, что откажет ей от места, но опять же — откуда вам это известно?

С довольной усмешкой Холмс потер свои длинные жилистые ладони:

— Чего уж проще: мне помогли глаза. На вашем левом ботинке, с внутренней стороны, куда как раз падает свет, я вижу шесть почти параллельных царапин. Очевидно, кто-то очень небрежно оттирал кожу, чтобы удалить корку грязи на подошве. Отсюда я сделал двойной вывод: что вы гуляли в плохую погоду и что вам в прислуги досталась одна из самых злостных в Лондоне губительниц обуви. Что касается вашей медицинской практики, то когда к вам является джентльмен, пахнущий йодоформом, с черным пятном от нитрата серебра на указательном пальце, а цилиндр его выгибается, пряча стетоскоп, — нужно быть тупицей, чтобы не распознать в нем деятельного представителя медицинской профессии.

Услышав, на каких несложных умозаключениях строились его выводы, я невольно рассмеялся:

— Всякий раз, когда я получаю от вас объяснения, мне кажется, что задача была удивительно проста и я бы с легкостью справился сам, но с каждым новым случаем опять теряюсь в догадках. Между тем, думаю, зрение у меня не хуже вашего.

— Совершенно верно. — Холмс зажег папиросу и откинулся на спинку кресла. — Вы смотрите, но

не наблюдаете. Различие понятно. Вот пример: вы много раз видели ступени лестницы, что ведет из прихожей сюда.

— Да, много.

— А именно?

— Ну, не одну сотню раз.

— И сколько их, этих ступеней?

— Сколько? Понятия не имею.

— Совершенно верно! Вы не наблюдали. Хотя смотрели. Об этом я и толкую. А я знаю, что ступеней семнадцать, потому что и смотрел, и наблюдал. Кстати, раз вы интересуетесь подобными мелочами и любезно взяли на себя труд сохранить для истории кое-что из моих скромных опытов, вам, вероятно, покажется любопытным вот это. — Он перебросил мне со стола лист толстой почтовой бумаги розоватого цвета. — Это пришло с последней почтой. Читайте вслух.

На листе не было ни даты, ни подписи, ни адреса.

«Сегодня в четверть восьмого, — было сказано в записке, — к вам явится джентльмен, желающий получить совет по делу исключительно ответственному. Зная об услуге, оказанной вами одному из монарших дворов Европы, мы не сомневаемся, что вам можно доверить поручение, важность которого трудно преувеличить. Такое мнение о вас отовсюду к нам поступало. Оставайтесь у себя в указанный час и не обессудьте, если ваш визитер явится в маске».

— Загадочно, ничего не скажешь, — заметил я. — Что, по-вашему, это может означать?

— У меня нет пока данных. Строить теории, не имея данных, — кардинальная ошибка. Незаметно начинаешь подгонять факты под теории, вместо

того чтобы теории основывать на фактах. Но сама записка... К каким предположениям она вас приводит?

Я тщательно изучил содержание, почерк и бумагу.

— Автор письма, вероятно, не стеснен в средствах. — Я постарался следовать методам моего друга. — Такая бумага стоит не меньше полкроны за пачку. Она необычно плотная и прочная.

— Необычно — это вы точно сказали. Бумага вообще не из Англии. Поднесите ее к свету.

Я так и сделал, и мне бросились в глаза большая буква «E» с маленькой «g», одиночная «P» и большая «G» с маленькой «t», вплетенные в структуру бумаги.

— Что, по-вашему, это значит? — спросил Холмс.

— Несомненно, имя изготовителя; то есть, скорее, его монограмма.

— Ничего подобного. «G» с маленьким «t» обозначает «Gesellschaft», то есть «компания» по-немецки. Это обычное сокращение, вроде нашего «К^о». «P» — это, разумеется, «Pariet»¹. Теперь займемся «Eg». Заглянем в наш континентальный географический справочник. — Холмс снял с полки увесистый коричневый том. — Эглоу, Эглониц — ага, Эгрия. Это в одной из стран, где говорят по-немецки, — в Богемии, недалеко от Карлсбада. «Город известен как место гибели Валленштейна, славится также многочисленными стекольными и бумажными фабриками». Ха-ха, дружище, что вы на это скажете? — Глаза Холмса сверкнули; затянувшись

---

¹ Бумага (нем.).

папиросой, он победно выдохнул голубое облачко дыма.

— Эта бумага произведена в Богемии, — сказал я.

— Именно. И записку писал немец. Вы заметили, как необычно построена фраза: «Такое мнение о Вас отовсюду к нам поступало»? Француз или русский так не напишет. Столь нелюбезное обращение с глаголами свойственно только немцам. Остается только узнать, что надобно немцу, который пишет на богемской бумаге и предпочитает скрывать свое лицо под маской. А вот, если не ошибаюсь, явился и он сам, чтобы разрешить все наши сомнения.

Снаружи донеслись цоканье копыт, скрежет колес, задевших бордюры тротуара, затем громкий звон колокольчика. Холмс присвистнул.

— Судя по звуку, пара лошадей. Да, — продолжил он, выглянув в окно, — красивый небольшой брум и пара рысаков, полторы сотни гиней каждый. Не знаю, Ватсон, чего ждать от этого дела, но деньги здесь замешаны немалые.

— Наверное, Холмс, мне пора идти.

— Даже не думайте, доктор. Не вставайте с места. Я пропаду без своего Босуэлла. А кроме того, дело обещает быть интересным. Такое жалко пропустить.

— Но ваш клиент...

— Из-за него не волнуйтесь. Может быть, мне понадобится ваша помощь, а значит, ему тоже. Вот он идет. Садитесь в кресло, доктор, и слушайте внимательно.

Неспешные тяжелые шаги, миновав лестницу и коридор, замерли у самой двери. Послышался громкий, повелительный стук.

— Войдите! — сказал Холмс.

Наш гость, ростом не менее шести футов и шести дюймов, обладал сложением Геркулеса. Одет он был с роскошью, какую в Англии сочли бы почти вульгарной. На рукавах и отворотах двубортного пальто были нашиты широкие полосы каракуля, накинутый на плечи синий плащ с огненно-алым подбоем скрепляла брошь — сияющий берилл. Сапоги, достигавшие середины икр и опушенные по краю коричневым мехом, дополняли впечатление варварской пышности. В руке посетитель держал широкополую шляпу; верхнюю часть лица, вместе со скулами, скрывала черная полумаска, явно надетая только что: рука его была приподнята, когда он пересекал порог. Нижняя часть лица выдавала сильный характер; толстая оттопыренная губа и длинный, правильной формы подбородок говорили о решительности и даже упрямстве.

— Вы получили мою записку? — спросил посетитель низким грубым голосом с явным немецким акцентом. — Я предупреждал вас о своем приходе.

Не зная, к кому обращаться, он переводил взгляд то на Холмса, то на меня.

— Прошу садиться, — пригласил Холмс. — Это мой друг и коллега доктор Ватсон; он иногда любезно помогает мне в расследованиях. К кому я имею честь обращаться?

— Можете называть меня — граф фон Крамм, дворянин из Богемии. Как я понимаю, этот джентльмен, ваш друг, — человек чести и на его умение хранить тайну можно положиться в деле чрезвычайной важности. Если это не так, я предпочел бы иметь дело с вами и больше ни с кем.

Я встал, чтобы уйти, но Холмс удержал меня за запястье и толкнул обратно в кресло.

— Мы оба — или ни один из нас, — сказал он. — Этому джентльмену вы можете доверить все, что собираетесь сообщить мне.

Граф пожал своими широкими плечами:

— Тогда для начала я должен взять с вас обещание два года хранить это дело в полнейшей тайне: позднее оно утратит значение. Но в настоящее время — и я не преувеличиваю — оно может повлиять на ход европейской истории.

— Обещаю, — заверил Холмс.

— И я.

— Вы должны меня простить за эту маску, — продолжал наш необычный посетитель. — Мой наниматель, из монарших особ, желает, чтобы его посланец остался неузнанным. Признаюсь сразу, титул, которым я назвался, не вполне мой собственный.

— Я это уже понял, — сухо отозвался Холмс.

— Обстоятельства очень щекотливые; приходится делать все возможное, чтобы не разразился грандиозный скандал, который скажется на репутации одного из правящих семейств Европы. Говоря начистоту, речь идет о доме Ормштайн, наследных королях Богемии.

— Это я тоже понял, — пробормотал Холмс, садясь в кресло и закрывая глаза.

Посетитель с явным удивлением рассматривал томно развалившегося в кресле человека, о котором, несомненно, был наслышан как о самом проницательном мыслителе и самом энергичном сыщике в Европе. Холмс медленно приоткрыл веки и бросил на великана нетерпеливый взгляд:

— Если ваше величество соблаговолит изложить свою историю, мне легче будет дать вам совет.

Вскочив со стула, посетитель принялся взволнованно расхаживать из угла в угол. Жестом отчаяния он сорвал с себя маску и швырнул на пол.

— Вы правы, — воскликнул он, — я король! К чему скрывать?

— В самом деле, к чему? — пробормотал Холмс. — Ваше величество еще не заговорили, а я уже знал, что обращаюсь к Вильгельму Готтсрайху Сигизмонду фон Ормштайну, великому герцогу Кассель-Фельштайна и наследному королю Богемии.

— Но вы должны понимать... — Странный посетитель снова сел и провел ладонью по высокому белому лбу. — Вы должны понимать, что я не привык заниматься подобными делами самолично. Дело, однако, столь щекотливое, что довериться посланцу значило бы оказаться в его власти. Чтобы получить ваш совет, я прибыл инкогнито из Праги.

— В таком случае — будьте любезны, спрашивайте. — Холмс снова закрыл глаза.

— Факты, говоря коротко, таковы: около пяти лет назад, во время длительного пребывания в Варшаве, я познакомился с известной авантюристкой Ирэн Адлер. Это имя, несомненно, вам неизвестно.

— Будьте добры, доктор, справьтесь по моей картотеке, — пробормотал Холмс, не открывая глаз.

За долгие годы он разработал систему хранения заметок о людях и событиях, и теперь, о чем или о ком бы ни шла речь, тут же отыскивалось подходящее к случаю досье. Биография Ирэн Адлер поме-

щалась между жизнеописаниями одного раввина и коменданта штаба, он же автор монографии о глубоководных рыбах.

— Дайте-ка посмотреть! Гм! Родилась в тысяча восемьсот пятьдесят восьмом году в Нью-Джерси. Контральто — гм! Ла Скала — гм! Примадонна Императорской оперы в Варшаве — ага! Покинула сцену — так! Живет в Лондоне — точно! Ваше величество, я догадываюсь, что вы завязали отношения с этой молодой особой, писали ей компрометирующие письма и теперь желаете получить их обратно.

— Все верно. Но как...

— Вы тайно обвенчались?

— Нет.

— Официальных бумаг, документов не осталось?

— Нет.

— Тогда я не вполне понимаю ваше величество.

Если эта молодая особа вздумает воспользоваться письмами для шантажа или в иных целях, как она докажет их подлинность?

— Мой почерк.

— Ха! Подделан.

— Моя личная бумага для письма.

— Украдена.

— Печать.

— Фальшивка.

— Моя фотография.

— Куплена.

— Мы сняты вдвоем.

— О боже! Вот это очень плохо! Ваше величество в самом деле поступили опрометчиво.

— Я был не в себе... и совершенно безрассуден.

- Вы серьезно себя скомпрометировали.
- Тогда я был всего лишь кронпринцем. Я был молод. Мне и теперь только тридцать.
- Фотографию надо вернуть.
- Мы пробовали, не получилось.
- Вашему величеству придется раскошелиться.

Фотографию надо выкупить.

- Ирэн не соглашается.
- Тогда украсть.
- Пытались пять раз. Дважды по моему поручению взломщики обыскивали весь дом. Однажды, когда Ирэн была в поездке, мы отправили в другую сторону ее багаж. Два раза устраивали на нее нападения. Все бесполезно.

— Никаких следов фотографии?

— Абсолютно никаких.

Холмс рассмеялся:

- Премилая головоломка.
- Мне она грозит серьезными неприятностями, — с упреком отозвался король.
- Бесспорно. И что Ирэн Адлер собирается делать с фотографией?

— Погубить меня.

— Но каким образом?

— Я собираюсь жениться.

— Слышал об этом.

— На Клотильде Лотман фон Саксен-Менинген, второй дочери короля Скандинавии. Вам, быть может, известно, каких строгих принципов придерживается это семейство. Что до Клотильды, она сама щепетильность. Стоит ей хоть на йоту во мне усомниться, и помолвка будет расторгнута.

— А Ирэн Адлер?

— Угрожает послать им фотографию. И она это сделает. Сделает, не сомневаюсь. Вы ее не знаете, характер у нее стальной. По виду это прекраснейшая из женщин, но в душе — самый решительный мужчина. Чтобы не дать мне жениться на другой, она пойдет на что угодно... на все.

— Вы уверены, что фотография до сих пор не послана?

— Уверен.

— Почему?

— Она сказала, что пошлет фотографию в тот день, когда о моей помолвке будет публично объявлено. То есть в ближайший понедельник.

— О, тогда у нас в запасе три дня, — сказал Холмс, зевая. — Тем лучше, а то у меня сейчас на руках еще пара важных дел. Ваше величество, конечно, пока не собирается покинуть Лондон?

— Разумеется. Вы найдете меня в «Лэнгеме» под именем графа фон Крамма.

— В таком случае я дам вам знать запиской, как продвигается дело.

— Будьте так добры. Я изведусь от беспокойства.

— А как с деньгами?

— У вас карт-бланш.

— Без ограничений?

— Говорю же: за эту фотографию я не пожалел бы любой из областей моего королевства.

— А на текущие расходы?

Король вынул из-под плаща тяжелый замшевый кошелек и положил его на стол.

— Три сотни фунтов золотом и семь сотен в банкнотах, — сказал он.

Холмс нацарапал в блокноте расписку и протянул листок королю.

— Адрес мадемуазель?

— Брайони-Лодж, Серпентайн-авеню, Сент-Джонс-Вуд.

Холмс взял записку с адресом.

— И еще вопрос. Фотография кабинетного формата?

— Да.

— Тогда, ваше величество, до свидания. Уверен, вскоре мы сможем сообщить вам хорошие новости. До свидания, Ватсон, — добавил он, когда послышался стук колес королевского брума. — Если вы будете так добры зайти ко мне завтра в три, я бы обговорил с вами это дельце.

II

Ровно в три я явился на Бейкер-стрит, но Холмс еще не вернулся. Хозяйка квартиры сообщила, что он ушел из дома в начале девятого утра. Я уселся у камина и вознамерился ждать, сколько понадобится. Я уже загорелся интересом к этому делу; оно, в отличие от тех двух, которые я уже описывал, не содержало в себе ничего пугающего и загадочного, однако высокий ранг клиента и прочие обстоятельства делали эту историю довольно своеобразной. Да и независимо от рода расследования — мой друг так мастерски владел ситуацией, так глубоко и проникновенно мыслил, что мне всегда доставляло удовольствие наблюдать за его системой работы и за теми тонкими, гибкими приемами, при помощи которых он распутывал самые замысловатые загадки.

Я так привык к его неизменным успехам, что не допускал даже мысли о провале.

Незадолго до четырех дверь открылась и в комнату ввалился подвыпивший грум — дурно одетый, краснолицый, со всклокоченной шевелюрой и бакенбардами. Зная удивительную способность моего друга к переодеваниям, я все-таки не единожды пригляделся, прежде чем его узнал. Кивнув, он исчез у себя в спальне и через пять минут явился, как всегда респектабельный, в твидовом костюме. Холмс засунул руки в карманы, вытянул ноги перед камином, рассмеялся и долго не мог успокоиться.

— Ну и ну! — воскликнул он, снова захохотал и наконец откинулся, обессиленный, на спинку кресла.

— Что с вами?

— Смех да и только. Вы ни за что не догадаетесь, как я провел утро и чем все закончилось.

— Не представляю себе. Могу предположить, что вы наблюдали за распорядком дня мисс Ирэн Адлер и, наверное, за ее домом.

— Совершенно верно; однако события приняли неожиданный оборот. Впрочем, рассказываю. Утром, в начале девятого, я вышел из дома в облике безработного грума. Надо сказать, все лошадни — на удивление дружная компания, чуть ли не масонская ложа. Войди в нее, и все тайное делается для тебя явным. Брайони-Лодж я разыскивал недолго. Это вилла-«игрушка», с задней стороны садик, передняя — по линии улицы, два этажа. На двери замок «чабб». Справа большая гостиная, хорошо обставленная, окна высокие, почти до пола, с дурацкими английскими задвижками, которые открывает даже ребенок. На задах ничего примечательного,

разве что окно коридора — в него можно забраться с крыши каретного сарая. Я обошел виллу кругом и тщательно рассмотрел под разными углами; ничего интересного.

Потом я прогулялся по улице и, разумеется, в переулке, куда выходит садовая стена, обнаружил конюшню. Я помог конюху чистить лошадей и получил за это два пенса, стакан портера с элем, две понюшки табаку и все необходимые сведения о мисс Адлер, а равно и о полудюжине других соседей, к которым я не испытываю ни малейшего интереса, однако должен был выслушать их жизнеописания.

— И что насчет Ирэн Адлер?

— Она вскружила голову всем мужчинам в окрестностях. Мир не рождал второй подобной красавицы. Таково общее мнение серпентайнских конюшен. Живет уединенно, поет в концертах, ежедневно в пять выезжает в экипаже, ровно в семь возвращается и обедает. В другое время обычно сидит дома, выходит только в дни концертов. Мужчина ее навещает только один, зато часто. Темноволосый, красивый, одет франтом, является каждый день, нередко и по два раза. Это мистер Годфри Нортон из Иннер-Темпла. Оцените, как это полезно — войти в доверие к кэбменам. Они десяток раз доставляли Нортоня домой от серпентайнских конюшен и знают о нем все. Выслушав их до конца, я снова принялся ходить туда-сюда мимо Брайони-Лодж и обдумывать план кампании.

Годфри Нортон, похоже, играет в нашем деле немалую роль. Он адвокат — это звучит угрожающе. Что их связывает, какова причина его постоянных

визитов? Кто она ему: клиентка, друг, возлюбленная? Если первое, она, вполне вероятно, отдала фотографию ему на хранение. Если последнее — вряд ли. От ответа на этот вопрос зависит, продолжать ли мне розыски в Брайони-Лодж или заняться квартирой этого джентльмена в Темпле. Предмет очень деликатный, и поле исследований придется расширить. Боюсь, я утомил вас подробностями, но, чтобы понять ситуацию, вы должны знать о мелких затруднениях, с которыми я сталкиваюсь.

— Ловлю каждое ваше слово.

— Пока я обдумывал положение, к Брайони-Лодж подкатил хэнсом и оттуда соскочил джентльмен. Очень красивый, темноволосый, с орлиным профилем, с усами — очевидно, тот самый, кого мне описывали. Он явно торопился, крикнул кэбмену, чтобы тот подождал, и по-свойски проскочил мимо открывшей дверь служанки.

В доме адвокат оставался около получаса, и временами я видел через окна гостиной, как он расхаживает из угла в угол, ведет взволнованные речи и размахивает руками. Хозяйки мне видно не было. Наконец гость появился в дверях, взбудораженный еще больше прежнего. Садясь в кэб, он вытащил из кармана золотые часы и внимательно изучил циферблат. «Гони во всю мочь, — крикнул он, — сперва к „Гроссу и Хэнки“ на Риджент-стрит, а потом к церкви Святой Моники на Эджвер-роуд. Плачу полгиinei, если обернешься за двадцать минут!»

Экипаж понесся прочь; я гадал, стоит ли за ним последовать, и тут в переулке показалось аккуратное маленькое ландо. Пальто у кучера полурасстегнуто, галстук сбился набок, ремни сбруи торчат из

пряжек. Ландо еще не успело подъехать, как Ирэн Адлер выбежала из передней двери и вспрыгнула на сиденье. Я видел ее мельком, но она и вправду красавица — за такие лица мужчины готовы отдать жизнь.

«В церковь Святой Моники, Джон, — воскликнула она, — и полсоверена, если домчишь за двадцать минут!»

Такой случай нельзя упускать, Ватсон. Я прикидывал, бежать ли мне следом или примоститься на ландо сзади, и тут на улице показался кэб. Кучер дважды смерил взглядом мою жалкую фигуру, но отказать не успел — я заскочил внутрь. «В церковь Святой Моники, — сказал я, — и полсоверена, если домчишь за двадцать минут». До полудня оставалось двадцать пять минут, о какой затее идет речь — гадать не приходилось.

Кэб несся во весь опор. Мне никогда прежде не случалось так мчаться, однако нас опередили. Когда я прибыл, кэб и ландо со взмыленными лошадьми уже стояли у входа. Я заплатил кучеру и поспешил в церковь. Внутри не было ни души, кроме пары, за которой я следил, и священника в облачении, который что-то им выговаривал. Все трое стояли у алтаря. Я прошелся по боковому приделу, делая вид, что забрел в церковь случайно. Вдруг, к моему удивлению, трое у алтаря обернулись, и Годфри Нортон опрометью кинулся ко мне.

«Слава богу! — вскричал он. — Вы годитесь. Идемте со мной!»

«Зачем это?» — спросил я.

«Идемте быстрее, всего три минуты, а то обряд будет недействителен».

Меня, можно сказать, подтащили к алтарю, и, не успев прийти в себя, я уже бормотал ответы, которые мне подсказывали на ухо, подтверждал то, о чем не имел ни малейшего понятия, и, в общем, всячески споспешествовал заключению брака между Ирэн Адлер, девицей, и Годфри Нортоном, холостяком. Все свершилось мгновенно, слева и справа меня осыпали благодарностями джентльмен и леди, напротив сиял улыбкой священник. За всю жизнь я не бывал в более нелепом положении — потому и хохотал до слез только что, вспоминая об этом. Похоже, у жениха с невестой было не совсем правильно оформлено разрешение на брак, и священник наотрез отказался обвенчать их без свидетеля. Я появился как раз вовремя, а то жениху пришлось бы бегать по улице и искать шафера. Невеста дала мне соверен, и я собираюсь носить его на часовой цепочке в память об этом случае.

— Вот уж поистине неожиданный поворот событий, — заметил я. — И что дальше?

— Я решил, что мои планы теперь под серьезной угрозой. Вероятно, пара вот-вот собирается уехать — значит, с моей стороны требуются незамедлительные и энергичные меры. Правда, у церковных дверей они расстались: Нортон отправился в сторону Темпла, Ирэн Адлер — к себе домой. «В пять, как обычно, я буду кататься в Парке», — сказала она при прощанье. Больше я ничего не слышал. Они разъехались в разные стороны, а я озабочился наконец собственными надобностями.

— Какими же?

— Холодной говядиной и стаканом пива. — Холмс позвонил в колокольчик. — Я был так занят,

что не вспоминал о еде, а нынче вечером, похоже, буду занят еще больше. Кстати, доктор, мне понадобится ваша помощь.

— Буду рад.

— Вы не против того, чтобы нарушить закон?

— Ничуть.

— Ареста не опасаетесь?

— Пускай — ради хорошего дела.

— Самого что ни есть хорошего!

— Тогда я в вашем распоряжении.

— Я не сомневался, что могу на вас положиться.

— Но что вы задумали?

— Когда миссис Тернер принесет поднос, я вам объясню. Ну вот. — Он окинул голодным взглядом принесенную нашей хозяйкой простую снедь. — Придется рассказывать за едой, времени у меня немного. Скоро пять. Через два часа нам нужно быть на месте действия. Мисс Ирэн — или, точнее, мадам — возвращается с прогулки в семь. К ее приезду мы должны быть у Брайони-Лодж.

— И что тогда?

— Положитесь на меня. Я уже подготовил то, что произойдет дальше. Есть только одно условие, на котором я настаиваю. Что бы ни случилось, вы не должны вмешиваться. Понятно?

— Мне следует оставаться вне игры?

— Вы не должны делать вообще ничего. Произойдет, вероятно, небольшая размолвка. Не вмешивайтесь. Кончится тем, что меня отнесут в дом. Минут через пять в гостиной откроется окно. Вам нужно расположиться поблизости.

— Да.

— Следите за мной — меня будет видно.

— Хорошо.

— Когда я вскину руку — вот так, — вы бросите в окно то, что я вам дам, и сразу же закричите: «Пожар!» Вам все понятно?

— До последнего слова.

— Ничего страшного. — Холмс вынул из кармана длинный сверток в форме сигары. — Обычная дымовая ракета, какие используют сантехники; с двух концов приделаны капсюли, чтобы она самовоспламенилась. Этим ваша задача и ограничивается. Ваш крик «Пожар!» подхватит множество народу. Затем ступайте в конец улицы — через десять минут я к вам присоединюсь. Надеюсь, я внятно все объяснил?

— Ни во что не вмешиваться, подобраться к окну, следить за вами, по вашему знаку бросить эту штуку, закричать «Пожар!» и ждать вас на углу.

— Именно так.

— Тогда можете всецело на меня положиться.

— Отлично. А теперь мне, пожалуй, пора готовиться к новой роли.

Холмс скрылся у себя в спальне и вскоре вернулся в образе добродушного, простоватого священника неконформистской церкви. Широкополая черная шляпа, мешковатые брюки, белый галстук, ласковая улыбка и общее выражение благожелательной заинтересованности и любопытства, какие мог бы воспроизвести один лишь мистер Джон Хэр. Холмс не просто переодевался. С каждой новой ролью менялись его лицо, манеры — менялась как будто сама душа. Сделавшись специалистом по преступлениям, Холмс лишил сцену прекрасного актера, равно как и науку — пронизательного мыслителя.

Бейкер-стрит мы покинули в четверть седьмого, а на Серпентайн-авеню оказались за десять минут

до условленного времени. Уже смеркалось, на улице начали зажигать фонари. Мы стали прогуливаться туда-сюда перед Брайони-Лодж, ожидая возвращения хозяйки. Дом в точности соответствовал краткому описанию, данному Шерлоком Холмсом, но обстановка была не такой уединенной, как я ожидал. Напротив, для маленькой улочки в тихом районе там царило удивительное оживление. На одном углу курили и пересмеивались какие-то оборванцы, на другом пристроился точильщик с колесом, двое гвардейцев флиртовали с молоденькой няней, несколько щеголей прохаживались без цели, покуривая сигары.

— Знаете, — заметил Холмс, пока мы мерили шагами улицу, — эта свадьба несколько упрощает дело. Фотография становится обоюдоострым оружием. Может оказаться, что мисс Адлер так же хочет скрыть ее от мистера Годфри Нортонa, как наш клиент — от его принцессы. Вопрос только в том, где нам ее искать.

— Действительно — где?

— Не похоже, чтобы она носила фото с собой. Оно кабинетного размера. В женском платье такое трудно спрятать. Ей известно, что король способен поручить кому-то напасть на нее и обыскать. Дважды подобные попытки уже были сделаны. Следовательно, фотография не при ней.

— И где же тогда?

— У банкира или адвоката. Она могла выбрать любого из них. Но мне в это не верится. Женщины от природы скрытны, они предпочитают сами разбираться со своими секретами. С какой стати Ирэн доверила бы это дело кому-то еще? На свою осмотрительность она может положиться, однако кто зна-

ет, какие побочные мотивы или политические соображения могут повлиять на деловых людей? Кроме того, не забывайте, что она решила воспользоваться этой фотографией в ближайшие дни. Снимок должен быть под рукой. То есть храниться у мисс Адлер дома.

— Но там дважды побывали взломщики.

— Ха! Они не знали, как искать.

— А как узнаете вы?

— Я и не стану искать.

— Тогда что же?

— Я сделаю так, что мисс Адлер сама мне укажет тайник.

— Она не захочет.

— Придется. Но вот и колеса застучали. Это ее карета. Исполняйте в точности все мои инструкции.

Меж тем из-за поворота показались боковые фонари кареты. К двери Брайони-Лодж подкатило небольшое нарядное ландо. Когда оно остановилось, оборванец, из тех, что прохлаждались на углу, кинулся к дверце, чтобы открыть ее и получить мелочь за услугу, но был оттеснен не менее предприимчивым сотоварищем. Разразилась ожесточенная перебранка, к которой присоединились двое гвардейцев, поддержавшие одного из соперников, а также точильщик, столь же горячо вступившийся за другого. Кто-то пустил в ход кулаки, и дама, вышедшая из кареты, тут же очутилась в самом центре потасовки, разгоряченные участники которой лупцевали друг друга кто голыми руками, кто палками. Холмс кинулся на защиту дамы, но в гуще толпы с криком упал на землю; по его лицу обильно заструилась кровь. Увидев это, гвардейцы припустили

в одну сторону, оборванцы в другую, а несколько прилично одетых мужчин, которые наблюдали драку со стороны, приблизились, чтобы помочь даме и раненому. Ирэн Адлер (я буду по-прежнему называть ее этим именем) успела уже взбежать по ступеням, но у двери задержалась и обернулась. Ее силуэт на фоне освещенной прихожей поражал благородством линий.

— Что с бедным джентльменом? Он ранен? — спросила она.

— Он умер, — хором ответили несколько человек.

— Нет, нет, еще дышит! — крикнул кто-то. — Но до больницы не дотянет.

— Какой храбрец! — вмешалась какая-то женщина. — Если бы не он, леди осталась бы без кошелька и часов. Это были грабители, целая банда. А, он еще живой.

— Нельзя оставлять его на улице. Разрешите внести его в дом, мадам?

— Конечно. Ступайте в гостиную. Там удобный диван. Сюда, пожалуйста!

Неспешно и торжественно Холмса внесли в Брайони-Лодж и уложили в главной комнате; я наблюдал происходящее со своего поста у окна. Зажгли лампы, но шторы не задернули, и мне был виден Холмс, лежавший на диване. Не знаю, испытывал ли он укоры совести из-за своей роли, но я стыдился, как никогда в жизни: эта прекрасная женщина милосердно и заботливо ухаживала за раненым, а я строил против нее козни. Однако не исполнить поручение Холмса было бы чернейшим предательством. Скрепя сердце я вынул из-под ольстера дымовую гранату. В конце концов, подумал

я, мы не собираемся причинять ей вред, а просто мешаем причинить вред другому человеку.

Холмс сел и замахал руками, показывая, что ему не хватает воздуха. Служанка поспешила распахнуть окно. В тот же миг я увидел сигнал — вскинутую руку Холмса — и с криком «Пожар!» кинул в комнату гранату. Крик немедленно подхватила целая толпа зевак, и оборванных, и прилично одетых: джентльменов, конюхов, служанок. Из комнаты в окно повалили клубы дыма. Я различал метавшихся по дому людей, но вскоре голос Холмса заверил, что тревога ложная. Пробравшись сквозь орущую толпу, я достиг угла и там, минут через десять, радостно пожал руку моему другу, вслед за чем мы оба покинули место событий. Холмс шагал проворно и хранил молчание, пока мы не свернули на одну из тихих улочек, примыкающих к Эджверроуд.

— Вы очень недурно справились, доктор, — заметил он. — Все прошло наилучшим образом. Дело сделано.

— Вы заполучили фото?

— Я знаю, где оно.

— Откуда?

— Как я вам говорил, мисс Адлер сама мне показала.

— Я по-прежнему теряюсь в догадках.

— Не стану вас интриговать, — засмеялся Холмс. — Все проще простого. Вы, конечно, заметили, что все, кто был на улице, работали на меня. Наняты мной на этот вечер.

— Это я понял.

— Когда началась потасовка, у меня в ладони было немного влажной красной краски. Я кинулся

вперед, упал, прижал ладонь к лицу — и вот оно, жалкое зрелище. Трюк очень старый.

— Об этом тоже можно было догадаться.

— Затем меня внесли в дом. Мисс Адлер пришлось согласиться. Что ей было делать? Я оказался в гостиной — как я подозревал, в той самой, нужной мне, комнате. Фотография хранится либо здесь, либо в спальне, и я был твердо намерен узнать, где именно. Меня положили на диван, я потребовал воздуха; им ничего не оставалось, как открыть окно, и вы этим воспользовались.

— Но что это вам дало?

— Все, что нужно. Если женщина думает, что в доме пожар, она инстинктивно спасает то, что ей дороже всего. Этому побуждению невозможно противиться, чем я неоднократно пользовался. Эта хитрость помогла мне, когда я расследовал скандальную подмену в Дарлингтоне и случай в замке Арнсуорт. Замужняя женщина хватает ребенка, незамужняя — шкатулку с драгоценностями. Я знал, что интересующей нас особе ничто в доме так не дорого, как вещь, которую мы ищем. Она кинется спасать фотографию. Пожарная тревога была отлично разыграна. Дым, крики — тут не выдержат и стальные нервы. Мисс Адлер повела себя превосходно. Фото — в нише за скользящей панелью над сонеткой, что справа. Я разглядел его краешек — хозяйка дома наполовину вытащила его из тайника. Когда я крикнул, что тревога ложная, она вернула фотографию на место, бросила взгляд на гранату и выскочила из комнаты; с тех пор мы не виделись. Я встал и с извинениями ретировался. Можно было бы попытаться завладеть фотографией тогда же, но в комнату вошел кучер, он не спускал с меня

глаз, и ради безопасности пришлось эту затею отложить. Поспешность погубила бы все дело.

— И что теперь? — спросил я.

— Наше поручение почти выполнено. Завтра я наведаюсь туда с королем — и с вами тоже, если вы захотите присоединиться. Нас проводят в гостиную, но, вероятно, когда хозяйка придет, ни посетителей, ни фотографии там уже не будет. Его величеству, наверное, будет приятно забрать снимок собственными руками.

— Когда вы туда собираетесь?

— В восемь утра. Мисс Адлер еще не встанет с постели, так что руки у нас будут развязаны. Кроме того, надо торопиться: выйдя замуж, она может полностью поменять свой образ жизни и привычки. Я должен без промедления послать королю телеграмму.

Мы уже стояли на Бейкер-стрит перед нашей дверью. Пока Холмс рылся в карманах, отыскивая ключ, какой-то прохожий бросил на ходу:

— Доброй ночи, мистер Шерлок Холмс.

По улице шло несколько человек, но голос как будто принадлежал спешившему прочь стройному юноше в ольстере.

— Этот голос я уже слышал. — Холмс уставился в конец тускло освещенной улицы. — Кто же, черт возьми, это был?

III

Я заночевал на Бейкер-стрит. Утром, когда мы сидели за кофе и тостами, в комнату стремительным шагом вошел король Богемии.

— Вы в самом деле ее добыли? — Схватив Холмса за плечи, он пытливо заглянул ему в глаза.

— Пока нет.

— Но надеетесь?

— Надеюсь.

— Тогда идем. Я весь нетерпение.

— Нужно дождаться кэба.

— Не надо, под дверью стоит мой брум.

— Это упростит дело.

Мы спустились и вновь отправились к Брайони-Лодж.

— Ирэн Адлер вышла замуж, — заметил Холмс.

— Замуж! Когда?

— Вчера.

— Но за кого?

— За адвоката-англичанина по фамилии Нортон.

— Не может быть, чтобы она его любила.

— Надеюсь, что любит.

— Почему надеетесь?

— Потому что это позволит вашему величеству в дальнейшем ничего не опасаться. Если дама любит своего мужа, значит она не любит ваше величество. Если она не любит ваше величество, ей нет никакого смысла мешать вашим планам.

— Это верно. И все же... Прискорбно, что она не благородного происхождения! Какая бы из нее получилась королева! — Король пригорюнился и до самой Серпентайн-авеню не произнес ни слова.

Дверь Брайони-Лодж была открыта, на ступенях стояла немолодая женщина. Пока мы выбирались из экипажа, она мерила нас сардоническим взглядом.

— Мистер Шерлок Холмс, я полагаю? — спросила она.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к изданию 1903 года <i>Перевод С. Сухарева</i>	7
Приключение I. Скандал в Богемии <i>Перевод Л. Бриловой</i>	11
Приключение II. Союз рыжих <i>Перевод Л. Бриловой</i>	43
Приключение III. Установление личности <i>Перевод Л. Бриловой</i>	74
Приключение IV. Тайна Боскомской долины <i>Перевод Л. Бриловой</i>	99
Приключение V. Пять зернышек апельсина <i>Перевод Л. Бриловой</i>	132
Приключение VI. Человек с вывернутой губой <i>Перевод Л. Бриловой</i>	158
Приключение VII. Голубой карбункул <i>Перевод Л. Бриловой</i>	190
Приключение VIII. Пестрая лента <i>Перевод Л. Бриловой</i>	217
Приключение IX. Палец инженера <i>Перевод С. Сухарева</i>	251
Приключение X. Знатный холостяк <i>Перевод С. Сухарева</i>	280
Приключение XI. Диадема с бериллами <i>Перевод С. Сухарева</i>	312
Приключение XII. Усадьба Медные Буки <i>Перевод С. Сухарева</i>	346